

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-1-122-132>

Цифровые и наследственные права в системе гражданских прав: имущественный аспект

Р.А. Рязин

кандидат юридических наук,
судья Верховного Суда Российской Федерации.
Адрес: Верховный Суд Российской Федерации,
121260, Москва, Поварская ул., д. 15, стр. 1.
E-mail: rodinzonrom@mail.ru

Digital and Inheritance Rights in the Civil Rights System: the Property Aspect

R. A. Ryabzin

PhD in Law,
Judge of the Supreme Court of the Russian Federation.
Address: Supreme Court of the Russian Federation,
Build. 1, 15 Povarskaya Str., Moscow, 121260, Russian Federation.
E-mail: rodinzonrom@mail.ru

Поступила 10.01.2026 Принята к печати 25.01.2026

Аннотация

В статье проанализированы цифровые и наследственные права с позиции определения их места в системе имущественных гражданских прав. На основе доктринальных и законодательных источников исследованы их признаки и правовая природа, что позволило сформулировать ряд выводов. В частности, цифровые права не являются самостоятельными правами наравне с вещными, исключительными и обязательственными. По своей правовой природе цифровые права в настоящее время являются обязательственными, однако в перспективе они могут быть выражены в виде исключительных прав. Присущие праву на принятие наследства признаки с определенной долей условности «роднят» его с правом собственности как основным вещным правом. Однако это только на первый взгляд. Содержание таких прав различно. Иные присущие им черты – срок действия прав, направленность их реализации, что обусловлено различием интересов и способов их удовлетворения и т. д., – позволяют признать, что наследственные права не являются производными от традиционно признаваемых прав, и невозможно также классифицировать наследственные права как условные разновидности вещных, обязательственных или исключительных прав, что предполагает их самостоятельное значение наравне с перечисленными гражданскими правами.

Ключевые слова: цифровые права, правовая природа, признаки, обязательственные права, вещные права, исключительные права, право собственности, наследственные права, право на принятие наследства, система имущественных прав.

Abstract

The article analyzes digital and inheritance rights from the perspective of determining their place in the system of property civil rights. Based on doctrinal and legislative sources, their features and legal nature have been investigated, which allowed us to formulate a number of conclusions. In particular, digital rights are not independent rights on an equal basis with proprietary, exclusive and binding rights. By their legal nature, digital rights are currently binding, but in the future they may be expressed in the form of exclusive rights. The inherent features of the right to accept inheritance, with a certain degree of conditionality, "relate" it to the right of ownership as the main property right. However, this is only at first glance. The content of such rights varies. Other features inherent in them are the duration of rights, the direction of their implementation, which is due to the difference in interests and ways of satisfying them, etc. – they allow us to recognize that inheritance rights are neither derived from traditionally recognized rights, nor is it possible to classify inheritance rights as conditional varieties of property, obligation, or exclusive rights, which presupposes their independent significance along with the listed civil rights.

Keywords: digital rights, legal nature, attributes, rights of obligations, property rights, exclusive rights, property rights, inheritance rights, the right to accept inheritance, the system of property rights.

В отличие от наследственных прав, цифровые права появились в отечественном законодательстве сравнительно недавно¹ и сразу стали объектом критики российских юристов: основные дискуссионные вопросы, которые не нашли своего разрешения и на сегодняшний день, заключаются в определении их правовой природы и месте в российском праве². Считаем, иные спорные моменты в отношении названных прав могут быть решены только при условии определения их правовой природы, которая и предопределяет устанавливаемый в отношении цифровых прав оптимальный правовой режим. Более того, именно характер правовой природы цифровых прав позволит выявить наличие (или отсутствие) их собственного содержания, что в конечном итоге позволит (или не позволит) отграничить их от общепризнанных на сегодняшний день самостоятельных прав – вещных, обязательственных или исключительных.

В соответствии с легальной дефиницией под цифровыми правами понимаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Причем в соответствии с действующим законодательством, в частности, с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ), цифровые права поименованы в перечне объектов гражданских прав в составе имущественных прав наравне с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами (ст. 128

ГК РФ). Это обстоятельство легло в основу одного из наиболее популярных подходов к определению правовой природы цифровых прав – цивилистического. Его сторонники признают их гражданско-правовую природу, что в том числе выражается в сравнении цифровых прав с бездокументарными ценными бумагами, безналичными денежными средствами, а также с интеллектуальными правами. В результате их характеризуют и в качестве самостоятельного вида имущественных прав (наравне с общепринятыми)³, и как субъективное право отдельного лица в отношении цифровой среды⁴, и как право, обладающее экономической ценностью [18] и т. д.

Довольно часто авторы раскрывают специфику цифровых прав с позиции межотраслевого характера или в принципе с точки зрения иных от-

³ Наглядным примером данной интерпретации может выступать исследование М. А. Рожковой, которая сопоставляет цифровое право как новую юридическую фикцию с ценной бумагой, указывая на близость их сущности и правовой природы. Так, автор ставит в один ряд цифровые права с традиционными объектами гражданских прав, а именно с имущественными правами, включающими безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги, что вполне научно обоснованно, в том числе с позиции положений действующего законодательства [28. – С. 27, 43]. Б. М. Гонгало и Л. А. Новоселова также заявляют о появлении особого объекта, не сводимого к известным объектам прав [7]. Самостоятельное содержание цифровых прав признают также А. Васильев, Ж. Ибрагимов, Р. Насыров, И. Васев [5. – С. 17]. По мнению В. В. Кресса, «по буквальному смыслу закона цифровые права не относятся к вещам, а в классификации субъективных прав они занимают самостоятельное место наряду с известными гражданскому обороту вещными, обязательственными, исключительными правами» [15].

⁴ Поскольку термин «цифровые права» (англ. digital rights) пришел к нам из иностранных источников, где он используется для обозначения прав человека в цифровом пространстве, в таком значении его и понимают многие авторы. Так, по мнению председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Зорькина, «под цифровыми правами понимаются права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности в сети Интернет. А также право свободно общаться и выражать мнения в сети и право на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность (обезличенность) его уже оцифрованной персональной информации» [11]. Также см. [23].

¹ Напомним, что цифровые права были включены законодателем в число объектов гражданских прав в 2019 г. См.: Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.03.2019. – № 12. – Ст. 1224.

² Его называют и отраслью законодательства (И. Л. Петрова, В. С. Манохин, А. А. Васильев, Ж. И. Ибрагимов, Р. В. Насыров, И. Н. Васев), и комплексной отраслью права – в перспективе (М. А. Егорова, В. С. Белых), и подотраслью информационного права – также в перспективе (О. В. Танимов, А. Р. Шевченко), и комплексным правовым институтом – в настоящее время (М. А. Егорова, В. С. Белых, А. В. Минбалева) (более подробно см.: [1]).

раслей права. Так, Е. Г. Стребкова и Д. С. Велиева определяют цифровые права через призму норм конституционного права. Причем первая из них делает вывод о том, что цифровое право представляет собой процесс трансформации конституционных прав человека [31], а вторая на основе исследования различных аспектов цифровых прав в системе конституционных прав и свобод заявляет об ошибочном закреплении в ГК РФ их легальной дефиниции, однако допуская существование цифровых прав в гражданском законодательстве [6. – С. 19].

Считаем такой подход к пониманию цифровых прав неверным: несмотря на то, что в современных условиях цифровизации общества многие права личности и гражданина, провозглашенные в основном законе страны, реализуются посредством цифровых технологий, отождествлять их с цифровыми правами недопустимо, поскольку действующая конструкция цифровых прав предполагает их имущественный характер и, как это указано в законе, находят выражение через обязательственные и иные права.

По мнению многих ученых, цифровые права не имеют собственного содержания¹, а по своей природе представляют лишь вид оформления одного из общепризнанных прав². Такого подхода придерживаются, например, И. Е. Михеева, А. Ю. Чурилов, С. В. Сарбаш [21; 37; 22] и ряд иных авторов. Одним из сторонников такого подхода является также Е. А. Суханов: по его словам, поскольку одним из условий признания того или иного права цифровым является прямое решение законодателя, получается, что цифровым можно объявить любое субъективное гражданское право: корпоративное, вещное, интеллекту-

альное [32]. Однако тут же ученый справедливо, на наш взгляд, отмечает, что «...придание объекту гражданских прав какой-либо новой формы, хотя бы и цифровой, само по себе не способно определить или изменить его юридическую природу» [8]. Примечательно, что подобные выводы нашли поддержку у государственных органов. В частности, Минфин России считает возможным учитывать цифровые инструменты в зависимости от тех прав, которые лежат в его основе³. С этим, однако, не согласен Банк России, который, в частности, не считает цифровые финансовые активы цифровой формой отдельных имущественных прав, а придерживается позиции о признании их самостоятельными инструментами, которые требуют отдельного правового регулирования⁴.

В чем же заключается юридическая природа вещных прав? В силу прямого указания закона в качестве цифровых прав могут быть названы обязательственные и иные права, которые законодатель признает цифровыми. Это означает, что иные объекты реальной действительности, не имеющие овеществленной формы и существующие только в цифровой среде (в их числе игровое имущество, криптовалюта и т. д.), цифровыми правами не признаются. На том, насколько оправдан такой подход законодателя, мы не будем акцентировать внимание, так как это выходит за рамки нашего исследования, однако отметим, что цифровое имущество (как его именуют в юридической литературе) в ряде случаев имеет высокую денежную стоимость, поэтому игнорировать вопросы правового регулирования их приобретения и включения в гражданский оборот нельзя.

В настоящее время в качестве цифровых прав в специальных законах названы только отдельные немногочисленные категории активов как отражения реальных имущественных благ –

¹ Так, по мнению авторов одной из публикаций, «... цифровые права обладают тремя существенными признаками. Родовым признаком является то, что цифровые права являются обязательственными или иными правами. То есть цифровые права не представляют собой кардинально новое благо, отличное от иных объектов гражданских прав. Они определяются через отсылку к иным объектам гражданских прав» [17].

² Л. Ю. Василевская считает, что «с точки зрения элементарной логики нельзя рассматривать цифровые права в одной плоскости с известными нам и различными по своей правовой природе имущественными правами (обязательственными, корпоративными и др.)». При этом под цифровыми правами она считает возможным понимать «цифровой способ фиксации имущественных прав» с распространением на них механизма цессии, отчуждения указанных прав [4].

³ См. приложение к письму Министерства финансов Российской Федерации от 23 декабря 2022 г. № 07-04-09/126779 «Рекомендации аудиторским организациям, индивидуальным аудиторам, аудиторам по проведению аудита годовой бухгалтерской отчетности организаций за 2022 год» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Указание Банка России от 20 июня 2023 г. № 6453-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 2 сентября 2015 года № 486-П» (зарегистрировано в Минюсте России 24.07.2023 № 74382) (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

цифровые финансовые активы¹ и утилитарные цифровые права². Анализ соответствующих федеральных законов позволяет прийти к выводу о том, что понятие и содержание указанных прав раскрывается через правовую категорию прав требования, а это означает не что иное, как признание обязательственной природы действующих на сегодняшний день цифровых прав³. Поэтому мы не согласны с А. М. Эрделевским, по мнению которого, указание в законодательном определении цифровых прав на «обязательственные и иные права» никак «...не способствует раскрытию понятия цифрового права» [38]. Более того, считаем, что именно это указание как нельзя лучше способствует определению их правовой природы, а если быть более точным – обязательственной природы.

Однако насколько оправдана сделанная законодателем отсылка на «иные права»? Как мы уже отмечали, в контексте «иных прав» речь мо-

жет идти о вещных и исключительных правах. В силу нашего убеждения о возникновении вещных прав только в отношении объектов материального мира, существование цифровых прав исключительно в информационной системе априори исключает возможность распространения на такие права режима вещных прав. Более того, как отмечено в юридической доктрине, невозможность использования цифровых прав вне рамок информационной системы, в которой такие права возникли и существуют, в принципе делает невозможным признание их абсолютного характера, поскольку такие права не распространяют свое действие в отношении «всех третьих лиц» [8].

Однако в юридической литературе все чаще говорят о необходимости «расширения» теоретических представлений о праве собственности, с чем мы категорически не согласны. Право собственности является одним из древнейших правовых институтов, классические представления о котором не должны ставиться в зависимость от простого желания законодателя и ряда ученых обосновать необходимость их пересмотра⁴ только лишь по причине появления в гражданском законодательстве новой правовой категории – цифровых прав. Конструкция последних не может и не должна быть «вписана» в вещно-правовой режим не только по причине различий в форме существования опосредуемых ими объектов, но и в силу принципиальных различий их существования, содержания, реализации и защиты.

В настоящее время невозможно также полностью отождествлять цифровые права с исключительными правами. Во-первых, перечень объектов интеллектуальной собственности, на которые признаются интеллектуальные (в том числе исключительные) права, строго определен законом. Закон также определяет, является ли то или иное право цифровым. Права, признанные на сегодняшний день в качестве цифровых, не оформляют результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуа-

¹ В соответствии с Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» под цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.

² В соответствии с Федеральным законом «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». См.: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.08.2019. – № 31. – Ст. 4418.

³ М. А. Рожкова, ассоциируя цифровые права с токенами, отождествляет их с шифрами, дающими определенные возможности, и сводит их роль к удостоверению прав на вещи (на иное имущество, на результаты работ, оказание тех или иных услуг) [28]. А. С. Степанян также отождествляет цифровые права с токенами [30].

⁴ В доктрине, в том числе в российской, сделаны осторожные попытки адаптировать концепцию вещного права к объектам виртуального мира. Зарубежные ученые отмечают узкую интерпретацию собственности, которая ассоциируется только с материальными вещами. По их мнению, данная архаичность должна быть заменена на более широкое понимание собственности, которая может включать в себя определенные нематериальные вещи (см., например: [39; 34]).

лизации. Однако стоит напомнить, что за пределами правового поля до сих пор остается цифровое имущество, среди которого особое практическое значение имеют, в частности виртуальные персонажи компьютерных игр. Не стоит говорить, что в определенных случаях их реальная денежная стоимость может быть очень велика. Представляется, что создание и усовершенствование игровых персонажей предполагает творческие начала, и это условно «роднит» такое цифровое (виртуальное) имущество с результатами интеллектуальной деятельности. Объективно же такое имущество может существовать только в рамках информационной системы, что является одним из основных признаков цифровых прав¹. Общим также является нематериальный характер результатов интеллектуальной деятельности и виртуального игрового имущества, поэтому признание на последние цифровых прав возможно по аналогии с конструкцией исключительных прав. Безусловно, это только предположения на перспективу развития гражданского законодательства, однако нельзя категорически исключать возможность признания цифровыми некоторых исключительных прав в отношении еще не урегулированных правом объектов существующей виртуальной действительности. Поэтому в целом мы можем

поддержать подход российского законодателя к раскрытию правовой природы цифровых прав через категорию обязательственных и иных прав.

С учетом этого можно сделать несколько выводов.

Цифровые права не являются самостоятельными правами наравне с вещными, исключительными и обязательственными. По своей правовой природе цифровые права в настоящее время являются обязательственными (соответственно, кредитор удовлетворяет свой интерес как в отношении вещи, так и иного нематериального объекта посредством совершения действий или воздержания от совершения определенных действий обязанного лица), однако в перспективе, с учетом подержанного нами пути урегулирования оборота цифрового имущества, цифровые права могут быть выражены в виде исключительных прав.

Цифровые права отличают две основные особенности: 1) указание в законе на то, что то или иное право является цифровым, а также 2) тот факт, что такие права изначально возникают и существуют только в электронной среде, в том числе по правилам информационной системы. Указанные особенности не позволяют полностью отождествлять цифровые права с обязательственными и исключительными правами. Таким образом, цифровые права представляют собой отдельную правовую конструкцию – это закрепленная законодателем определенная разновидность обязательственных (и на перспективу исключительных) прав, возникновение и существование которых возможно только в информационной среде, а их содержание и условия осуществления определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Говоря об имущественных правах в системе российского гражданского права, нельзя обойти вниманием также наследственные права, которые, вне всякого сомнения, следует отнести к категории имущественных. Вместе с тем основная проблема в определении места наследственных прав в системе имущественных гражданских заключается в доктринальной дискуссии в отношении того, какие же права относятся к наследственным. На первый взгляд, в данном случае все должно решаться просто – наследственные права представляют собой права, которые существуют в рамках наследственных правоотношений при применении норм наследственного права. Вроде все правильно, однако возникает другой вопрос, на который нет одно-

¹ Поэтому неудивительно, что ряд отечественных исследователей придерживается позиции, что виртуальное (цифровое) имущество с учетом его правовой природы, нематериальной формы и существования исключительно в рамках определенной системы следует рассматривать в рамках интеллектуальной собственности. Так, по мнению А. П. Сергеева и Т. А. Терещенко, именно интеллектуальная собственность как подотрасль гражданского права больше всего приспособлена к опосредованию частных отношений, связанных с технологиями [29]. При этом было предложено отнести их к нетрадиционным объектам исключительных прав или, как еще один вариант, существующий в литературе, к ограниченным исключительным правам (см., например: [25]). Как отмечает Д. С. Четвергов, права на виртуальное имущество, учитывая его нематериальную природу, не могут считаться вещными, и в этой связи «следует регулировать новые объекты нормами части четвертой Гражданского кодекса РФ и создать своего рода “ограниченные исключительные права”, предполагающие ограниченное право пользователя на использование виртуального объекта в своих интересах». В обоснование своего предложения он отсылает еще к континентальной правовой традиции Рима, где существовал институт ограниченных вещных прав, которые наделяли собственника вещи правом предоставить лицу непосредственное господство над вещью иному лицу в строго ограниченном объеме. Аналогичным образом он предлагает урегулировать и отношения по поводу виртуального имущества [36].

значного ответа: какое же правоотношение является наследственным? Одна из позиций российской доктрины заключается в том, что наследственное правоотношение охватывает процесс составления завещания, что позволяет сторонникам данного подхода отнести наследодателя к субъектам наследственных правоотношений¹. Во многом таким выводом отечественных ученых способствовал Конституционный Суд Российской Федерации, который в одном из своих документов подтвердил, что право наследования включает в себя как право наследодателя распорядиться своим имуществом, так и право наследников на его получение².

Если исходить из данного подхода, получается, что с момента совершения завещания и до открытия наследства наследственное правоотношение будет лишено своего содержания по той причине, что завещатель обладает право- и дееспособностью и процесс оформления перехода наследственного имущества наступает только после открытия наследства. Строго говоря, правовой режим имущества, принадлежащего наследодателю, меняется с его смертью – именно тогда такое имущество получает режим наследственного.

В этой связи мы считаем целесообразным поддержать иную точку зрения, которая в российской юридической литературе получила наибольшее распространение: наследственные правоотношения возникают после открытия наследства³. При таком подходе наследственное

правоотношение опосредует наследственное правопреемство, т. е. переход имущества наследодателя к его наследникам. Весьма удачно, на наш взгляд, сформулировала определение наследственных правоотношений А. Е. Казанцева. По ее мнению, наследственные правоотношения представляют собой урегулированные нормами наследственного права общественные отношения, причинно обусловленные смертью наследодателя и направленные на его замену наследниками в тех правоотношениях, которые допускают такую замену [12]. В силу этого сложно признать уже умершее лицо (наследодателя) полноправным субъектом наследственного правопреемства, ведь, как известно, со смертью физического лица прекращается его право- и дееспособность. Да, безусловно, фигура наследодателя имеет важное значение, определяющее многие аспекты того или иного наследственного правоотношения, но это никак не может и не должно влиять на признание его субъектом соответствующего правоотношения. Из указанного выше понимания наследственного правоотношения следует, что круг его субъектов ограничен наследниками умершего.

Что касается правоотношений, возникающих в связи с совершением завещания, можно признать их гражданскими правоотношениями, предшествующими возникновению наследственных. Ряд отношений, урегулированных в нормах наследственного права, по своей правовой природе практически ничем не отличаются от иных гражданско-правовых отношений. Так, в силу прямого указания закона завещание представляет собой не что иное, как одностороннюю сделку, которая создает права и обязанности после открытия наследства. Аналогичные (в общем виде) правила действуют и в отношении наследственного договора. Однако если же наследственный договор возлагает на сторону договора обязанности с моментом их исполнения до открытия наследства, такие отношения по своей правовой природе следует квалифицировать как обязательственные⁴.

В юридической литературе наследственными отношениями часто именуют также отношения,

¹ См., например: [19. – С. 47; 16. – С. 53; 13; 20]; Альбов А. П., Николюкин С. В. Наследственное право. – М.: Юрайт, 2020. – С. 19; Гришаев С. П. Наследственное право. – М.: Проспект, 2011; Российское гражданское право: в 2 т. / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. В. Козлова и др.; отв. ред. Е. А. Суханов. – Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – М.: Статут, 2011; Крашенинников П. В. Наследственное право. – М., 2016 // СПС «КонсультантПлюс» и т. д.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 января 1996 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 560 Гражданского кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А. Б. Наумова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 22.01.1996. – № 4. – Ст. 408.

³ Большинство ученых связывают возникновение наследственного правоотношения с открытием наследства, которое, согласно позиции Б. А. Булаевского, представляет собой единство юридических фактов, состоящих из обстоятельств, свидетельствующих о смерти (реальной или предполагаемой), и обстоятельств, свидетельствующих о наличии имущества, которое может перейти в порядке наследования [3].

⁴ Но и в том, и в другом случае речь идет о сделках, которые от остальных сделок отличаются своим посмертным характером, что предопределяет ряд особенностей по их заключению и исполнению.

связанные с охраной наследственного имущества, с его разделом между принявшими наследство наследниками и т. д. [2]. На наш взгляд, несмотря на то, что такие отношения составляют предмет наследственного права, их также сложно отнести к наследственным правоотношениям. Если мы исходим из понимания последних как отношений, опосредующих наследственное правопреемство, то отношения по охране наследственного имущества не влияют на указанный процесс. Такие отношения носят вспомогательный характер и направлены на сохранность наследственного имущества. По этой же причине сомнительно квалифицировать в качестве наследственных отношения по разделу наследственного имущества. Такие отношения возникают уже после принятия наследственного имущества наследниками, а значит, возможны только после завершения перехода всех прав и обязанностей к наследникам в соответствии с законом, или условиями завещания, или наследственного договора. Направленность таких отношений уже иная, их субъектный состав также может быть другой.

Итак, наследственные права вытекают из наследственных правоотношений, опосредующих переход имущества от наследодателя к его наследникам. Наследственные права заключаются в правомочиях права наследования, в числе которых – право на принятие наследства, отказ от принятия наследства или непринятие наследства¹. При этом следует подчеркнуть, что для возникновения наследственного правоотношения одного лишь факта смерти лица или признания его умершим недостаточно. Подразумевая под наследственным правоотношением наследственное правопреемство, следует признать, что такие отношения могут возникнуть только при условии, что на момент смерти наследодатель

обладал принадлежащим ему имуществом, поскольку в отсутствие такого имущества наследникам нечего будет наследовать, а без объекта наследственное правоотношение возникнуть не может.

В чем же заключается правовая природа наследственных прав² и какое они занимают место в системе имущественных гражданских прав? Проанализируем право наследования (в его субъективном смысле) на предмет присущих ему признаков.

Первым из таких признаков является их абсолютный характер³. Наследник, обладающий правом на принятие наследства, реализует его посредством собственных действий (или бездействия), при этом направленность таких действий обращена на объект – наследственное имущество. Обладателю данного права противопоставляются в первую очередь иные наследники, которые гипотетически могут быть призваны к наследованию (по закону или по завещанию), если обладающий правом принятия наследства наследник не примет его или откажется от его принятия. Такие наследники не имеют права своими действиями препятствовать реализации

¹ В юридической литературе и этот вопрос решается неоднозначно. Вот что об этом пишет Б. А. Булаевский: «Цель реализации права на принятие наследства соотносится с целью наследования и ориентирована на правопреемство в имуществе умершего человека. Однако нетрудно заметить, что такие формы реализации права на принятие наследства, как “непринятие” и “отказ”, сами по себе к указанной цели не приводят. Их назначение можно охарактеризовать как обеспечительное. Данные правовые институты опосредуют “нецелевое” завершение реализации права на принятие наследства одними наследниками и открывают дорогу к реализации права на принятие наследства другими наследниками. И так до тех пор, пока цель не будет достигнута» [2; 36].

² Примечательно, что не все авторы в принципе признают существование субъективных наследственных прав. В частности, О. М. Родионова отрицает рассмотрение права на принятие наследства в качестве субъективного гражданского права или части его содержания (правомочия). В качестве обоснования приводится следующий аргумент: «...принятию наследства, как известно, не соответствует обязанность каких-либо субъектов», поэтому «это одностороннее волеизъявление является реализацией правоспособности лица» [27]. Многие авторы склонны считать право на принятие наследства элементом гражданской правоспособности [28; 14]. По мнению Ю. К. Толстого, право на принятие наследства – это своеобразное право, которое по своей природе «относится к числу так называемых *Gestaltungsrecht*, т. е. прав, содержание которых сводится к образованию другого права (прав на правообразование), что в какой-то мере сближает его с элементами правоспособности» (см.: *Гражданское право* : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. – М. : ТК Велби ; Проспект, 2006. – Т. 3. – С. 644). Столь различные подходы в понимании правовой природы наследственных прав свидетельствуют о неоднозначности решения данного вопроса, и уж тем более это никак не способствует определению их места в системе имущественных гражданских прав. Не останавливаясь подробно на решении данного вопроса, отметим, что, по нашему мнению, право на принятие наследства следует рассматривать как субъективное гражданское право, особенности которого заключаются в особенностях наследственного правопреемства.

³ Абсолютный характер приписывается праву на принятие наследства многими авторами (см., например: [2; 26] и т. д.).

наследником его права на принятие наследства¹. Представляется, однако, что такая обязанность вменяется не только потенциальным наследникам (как наиболее заинтересованным субъектам), но и всем третьим лицам.

В юридической литературе абсолютный характер субъективного права на принятие наследства нередко подвергается критике. В частности, такой позиции придерживается В. В. Груздев, который отрицает абсолютность рассматриваемого права по той причине, что абсолютное гражданское право имеет своим объектом определенное благо, с которым связывается удовлетворение интереса обладателей этих прав. Однако, по словам автора, в момент открытия наследства такого объекта нет – поскольку интерес наследника в этом случае, по его мнению, заключается в принятии наследства, т. е. в еще предстоящем приобретении благ умершего. В результате В. В. Груздев приходит к выводу о том, что объектом права наследования выступает само наследование, назвав такое положение «полнейшей несурзацей» [9].

С таким подходом мы не можем согласиться. В момент открытия наследства у призванного к наследованию наследника есть право выбора: принять наследство, отказаться от его принятия или не принимать наследство. При реализации первого правомочия обладатель субъективного права удовлетворяет интерес, который заключается в приобретении наследства. А как известно, приобретение наследства не равно его принятию. Приобретение наследства является одним из оснований приобретения имущества, входящего в состав наследственного, в собственность или замены лица в обязательстве. Именно имущество является конечной целью, при этом приобретение наследства предполагает его принятие. Иными словами, посредством реализации субъективного гражданского права принятия наследства достигается цель приобретения имущества наследодателя. Безусловно, в данном случае можно возразить, что входящие в состав права наследования такие правомочия, как неприятие наследства или отказ от его принятия,

сами по себе не приводят к цели приобретения наследства. Мы исходим из того, что наследник – обладатель права наследования в каждом конкретном случае (более того, по каждому отдельному основанию наследования) действует своей волей и в своем интересе, и право отказаться от наследства или не принимать его является частью его выбора. Право наследования предполагает выбор возможных моделей его реализации – моделей поведения обладателя субъективного права, который действует своей волей и в своем интересе в зависимости от потребности в реализации своего интереса: если наследник, призванный к наследованию, заинтересован в его приобретении, такой наследник совершает активные действия по принятию наследства установленными в законе способами; в отсутствие желания приобрести наследство наследник совершает либо активные действия (посредством оформления отказа от принятия наследства), либо бездействует². Именно такие признаки позволяют идентифицировать принятие наследства как одностороннюю сделку, в любом случае влекущую за собой правовые последствия – принятие наследства наследником, отказ от его принятия или непринятие, в двух последних случаях правовые последствия заключаются в возникновении соответствующих прав на принятие наследства у иных наследников в соответствии с условиями наследования.

Право наследования характеризуется еще одним весьма важным признаком – оно тесно связано с личностью наследника, что во многом предопределено семейно-родственными связями между наследодателем и его наследниками. Право наследования после смерти лица возникает у наследников, названных в таком качестве в законе или указанных самим наследодателем в завещании, наследственном договоре и т. д. Личный характер рассматриваемого права подтверждается многими правилами наследственно-

¹ Кроме того, как справедливо отмечает Е. А. Ходырева, «...в наследственном правоотношении наследники как обязанные субъекты не должны препятствовать преемникам наследодателя осуществлять их право наследования, они не вправе осуществлять собственные действия по отношению к наследственной массе в целях стать наследниками» [35].

² Бездействие управомоченного лица признают в российской доктрине опосредованной правом формой «пассивного социально значимого поведения управомоченных и обязанных субъектов», «юридически значимым бездействием» (как формы юридически значимого поведения), влекущими «позитивные или негативные правовые последствия» [10; 24]. Л. В. Тихомирова и М. Ю. Тихомиров не только привязывают бездействие к поведению обязанного субъекта, но говорят о возможности существования бездействия как противоправного, так и правомерного [33].

го законодательства: так, не допускается реализация права на принятие наследства через представителя (за исключением законного представительства) или выражение воли нескольких наследников в одном заявлении о принятии наследства или об отказе от его принятия и т. д.

Личностный характер права наследования обуславливает еще одну существенную его характеристику: право наследования не является самостоятельным объектом гражданского оборота, оно не передается и не отчуждается независимо от основания наследования.

Анализ наследственных прав был бы неполным без исследования правовой категории «наследство» («наследственная масса», «наследственное имущество»), которое определяется законодателем через совокупность вещей, имущественных прав и обязанностей (абзац 1 ст. 1112 ГК РФ). По мнению Е. А. Ходыревой, «...понимание наследства как совокупности вещей, имущественных прав или обязанностей не в полной мере отражает существо наследственного правопреемства» по той причине, что при таком подходе неясным остается характер прав в отношении той или иной вещи: это может быть как право собственности, так и обязательственное право, например, право аренды [35]. На наш взгляд, во-первых, данное замечание не влияет на тот факт, что наследственное имущество раскрывается через понятие совокупности. А во-вторых, если речь идет о вещах в составе наследства, то априори такое имущество принадлежит наследодателю на основе права собственности, ведь если имущество находится в аренде, в этом случае речь может идти только об обязательственных правах, которые наравне с вещами включаются в состав наследства. Более того, мы исключаем возможность оборотоспособности права собственности как одной из характеристик имущественного права, что означает недопустимость включения его в состав наследства.

Наследственное имущество, если следовать логике универсальности наследственного правопреемства, переходит к наследнику как единое целое, иными словами, принятие части наслед-

ства означает принятие всего наследства, где бы и в чем бы оно ни заключалось. Такое законодательное правило позволяет сделать вывод о том, что правовой режим наследственного имущества определяется его неделимостью. Такой правовой режим изменяется с момента принятия наследником причитающейся ему доли наследства – режим совокупности утрачивается и каждый элемент, входящий в ее состав, приобретает самостоятельное значение со своим собственным правовым режимом.

В результате с определенной долей условности, на первый взгляд, можно было бы признать, что такие признаки, как абсолютный характер, реализация права посредством собственных действий, непередаваемость и неотчуждаемость, а также специфичность объекта наследственных прав, «роднят» рассматриваемое право на принятие наследства с вещным правом, однако это не так. Содержание таких прав различно. Иные присущие им черты – срок действия прав и направленность их реализации, что обусловлено различием интересов и способов их удовлетворения и т. д. Напомним, что право собственности направлено, в частности, на обеспечение права лица обладать имуществом, в то время как право наследования обеспечивает возможность приобретения совокупности прав в отношении наследуемого имущества. Причем такое приобретение не может быть условным или сопровождаться оговорками. Е. Н. Абрамова, выделяя черты, позволяющие отличать наследственное право от других субъективных прав, также подчеркивает еще одну особенность: основанием этого права является не воля субъекта, как это принято классифицировать по общему правилу, а факт открытия наследства [13]. Указанные черты позволяют признать, что, во-первых, наследственные права не являются производными от традиционно признаваемых прав, и во-вторых, наследственные права невозможно также классифицировать как условные разновидности вещных, обязательственных или исключительных прав, что предполагает их самостоятельное значение наравне с перечисленными гражданскими правами.

Список литературы

1. Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. – М. : Норма, 2023.
2. Булаевский Б. А. К вопросу об ограничении наследственных прав // Наследственное право. – 2020. – № 4. – С. 3–7.

3. Булаевский Б. А. Некоторые аспекты существования наследственных правоотношений в системе наследственного права // *Наследственное право*. – 2019. – № 3. – С. 8–12.
4. Василевская Л. Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // *Хозяйство и право*. – 2019. – № 5. – С. 3–14.
5. Васильев А., Ибрагимов Ж., Насыров Р., Васев И. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // *Юрислингвистика*. – 2019. – № 11 (22). – С. 15–18.
6. Велиева Д. С. Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии : коллективная монография. – Казань : Отечество, 2020.
7. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // *Пермский юридический альманах*. – 2019. – № 2. – С. 179–192.
8. Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930 - 2020) / А. Г. Архипова, А. В. Асосков, В. В. Безбах и др.; отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. – М. : Статут, 2020.
9. Груздев В. В. Правовая природа наследования // *Наследственное право*. – 2023. – № 3. – С. 6–8.
10. Есипова И. А. Правовое бездействие. – Волгоград, 1998.
11. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // *Российская газета*. – 2018, 29 мая.
12. Казанцева А. Е. Теория наследственного и причастных к нему правоотношений по гражданскому праву Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. – Томск, 2015.
13. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья : учебно-практический комментарий (постатейный) / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, В. В. Грачев и др.; под ред. А. П. Сергеева. – М. : Проспект, 2011.
14. Костин П. Ю. Имущественный и неимущественный характер секундарных прав // *Юрист*. – 2014. – № 11. – С. 37–41.
15. Кресс В. В. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота // *Журнал российского права*. – 2022. – № 4. – С. 67–76.
16. Кулеева И. Ю. К вопросу о правовом статусе субъектов наследственных правоотношений // *Современное право*. – 2018. – № 9. – С. 53–58.
17. Курбанов Р. А., Савина В. С., Гурко А. В. Характеристика правового регулирования цифровых прав в Российской Федерации // *ИС. Авторское право и смежные права*. – 2022. – № 8. – С. 4–12.
18. Лаптев В. А. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России : монография. – М. : Проспект, 2021.
19. Ленковская Р. Р. Наследственные правоотношения: понятие и содержание // *Социально-политические науки*. – 2017. – № 4. – С. 47–50.
20. Мировой судья в гражданском судопроизводстве / Е. А. Борисова, А. Ф. Ефимов, В. М. Жуйков и др.; под ред. А. Ф. Ефимова и И. К. Пискарева. – М. : Городец, 2004.
21. Михеева И. Е. Отдельные правовые особенности залога цифровых прав // *Право и экономика*. – 2022. – № 10. – С. 16–23.
22. Новоселова С. А., Габов А. В. [и др.]. Цифровые права как новый объект гражданского права // *Закон*. – 2019. – № 5. – С. 31–54.
23. Пагава Т. Л. Понятие и содержание имущественных прав граждан // *Legal Concept*. – 2019. – № 1 (18) – С. 131–136.
24. Прусаков А. Д. Действие и бездействие как формы юридически значимого поведения. – Саратов, 2008.
25. Пучков В. О. Посмертная передача цифровых объектов: пользовательское соглашение vs национальное наследственное право // *Наследственное право*. – 2020. – № 3. – С. 17–23.
26. Рассказова Н. Ю. Право на принятие наследства // *Закон*. – 2006. – № 10. – С. 90–104.
27. Родионова О. М. К вопросу о правовой природе принятия наследства // *Нотариус*. – 2011. – № 2. – С. 26–28.

28. Рожкова М. А. Категории «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве // Право цифровой экономики. – 2021. – № 17. – С. 10–68.
29. Сараев А. Г. О юридической природе права наследования (есть мнение) // Наследственное право. – 2013. – № 1. – С. 25–28.
30. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. – 2018. – № 11. – С. 106–123.
31. Степанян А. С. Некоторые проблемы гражданско-правового оборота цифровых прав // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 7. – С. 27–31.
32. Стребкова Е. Г. Цифровизация конституционных прав и свобод: сущность и проблемы реализации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 1. – С. 217–225.
33. Суханов Е. А. Социальное лицо гражданского права (к постановке вопроса) // Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020). – М. : Статут, 2020.
34. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Споры о правах на земельные участки. Комментарии, судебная практика, официальные разъяснения, образцы документов / под ред. М. Ю. Тихомирова. – М., 2012.
35. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А. А. Васильева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020.
36. Ходырева Е. А. Право наследования в гражданском праве России : монография. – М. : Статут, 2022.
37. Четвергов Д. С. Правовой режим виртуального имущества // Право и бизнес. – 2021. – № 3. – С. 33–39.
38. Чурилов А. Ю. Перспективы цифровизации товарораспорядительных документов // Юрист. – 2021. – № 2. – С. 10–15.
39. Эрделевский А. М. О цифровых правах (статья подготовлена для системы «КонсультантПлюс») // СПС «КонсультантПлюс». – Из информационного банка «Юридическая пресса». – 2019.
40. Erlank W. Property in virtual worlds. – Stellenbosch University, 2012. – URL: <https://scholar.sun.ac.za/server/api/core/bitstreams/b5419763-2f7c-4e49-91d2-6fdd77358543/content>